

К.Э. Мартинсоне, А.К. Карпова

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПСИХОЛОГИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЯХ

В статье авторы привлекают внимание к современной дискуссии о многообразии, многоголосии, незаконченности, неуловимости, открытости бытия в контексте постмодернизма и холистического мировоззрения, призывая к рефлексии о ситуации в современной психологии. Обращают внимание на то, что если психолог хорошо ориентируется в истории, то он ясно представляет проблемы и современной науки – осознание истории позволяет видеть корни этих проблем и варианты их решения. Психология включает разные этапы развития, которые глубоко можно осознать, лишь погружаясь в конкретное время и пространство, – интерпретация истории производится в социокультурном подходе. Также рассмотрены предпосылки формирования психологии как самостоятельной науки, обозначены наиболее важные (но не единственные) тенденции, повлиявшие на процесс становления психологии.

Ключевые слова: история психологии, социокультурный подход, интерпретация, культура, толерантность.

Мы живем в эпоху информации, и благодаря расширению информации и росту степени ее сложности мир в сознании человека становится все более многообразным и богатым по содержанию. Однако способность каждого человека услышать и понять глубоко индивидуальна и зависит от эмоциональных и духовных возможностей и от того, что человек воспринимает и принимает как существующее.

Психологию также характеризует многообразие подходов. Несмотря на значение слова «психология» (на древнегр. *psyche* – душа и *logos* – наука), мы не можем сказать, что сегодня психология – это наука о душе. В поисках ответа на вопрос «что такое психология» мы можем проигнорировать многообразие подходов и говорить о том, что сегодня это наука о поведении и когнитивных процессах [9]. В этом определении отчетливо можно видеть бихевиорально-когнитивный подход. Но, кроме этих двух подходов, существует ряд других

систем, не укладывающихся в правящую парадигму [5]; таким образом, упомянутое определение является слишком упрощенным, ведь в современной психологии существует очень много различных направлений, теорий, концепций. Иными словами, существует масса систематических обобщений, подразумевающих возможность, например, объяснить и спрогнозировать поведение, и способов организации знаний и интерпретации результатов исследований; существует вереница упорядоченных и логических конструкций, служащих единому и согласованному исследованию предмета в рамках конкретной теории, с акцентом на специфическую методологию.

Психологические системы предлагают различные интерпретации психологии как науки, нередко они борются между собой, конкурируют. Поэтому, чтобы сохранить науку, существует ряд социально апробированных законов и нормативов познания, определяющих

преимущество одного или другого подхода, путем анализа способов, методов, процедур получения подлинных, эффективных знаний (в рамках каждой системы, теории). Значит, однозначно ответить на вышеупомянутый вопрос трудно, так как психология как наука обладает особым статусом: круг ее интересов связан с вопросами, издревле интересовавшими человека, — вопросами о себе самом. Из этого возникает ряд проблемных вопросов. И все же приходится согласиться с точкой зрения Н. Смита: «Главная проблема каждого автора, пишущего о психологических системах, в том, что он не может быть экспертом во всех из них, в наше время любой хорошо владеет одной системой или — еще специфичнее — какой-либо частью этой системы» [30, р. 18].

Потому вначале определим исходные положения этой статьи. Мы верим: если психолог хорошо ориентируется в истории, то он ясно представляет и проблемы современной науки — осознание истории позволяет видеть истоки этих проблем и варианты их решений. Психология включает разные этапы развития, которые мы можем глубоко осознать, лишь погружаясь в конкретное время и пространство, и только так мы можем попытаться ответить на вопросы «почему» и «как»: почему и как происходит формальное становление психологии — создание и реализация первых программ по экспериментальной психологии; потом возникновение психологических школ, активная борьба между ними; развитие оформившихся школ, их взаимовлияние как в теоретических, так и методологических аспектах. Почему и как возникают новые подходы, новые концепции, а во второй половине XX века, когда происходит осознание новых методологических проблем, особенно остро встает и другой вопрос — как структурировать (интегрировать) мно-

гообразии. (В том числе в пределах одной школы, подхода или по отношению к одной исследовательской категории в разных подходах.)

Оглянемся на историю психологии. В духе постмодернистской эпохи мы склонны занять сторону интерпретации, которая открыта многообразию и проявляет интерес к социальному и культурному своеобразию. Например, следует осознать, что каждый раз при создании повествования истории психологии существует возможность акцентировать или пропагандировать приоритет какого-то определенного подхода за счет отрицания других. Можно анализировать личный опыт авторов каждой концепции или конкретной школы, которая создавалась в определенную эпоху под влиянием соответствующей культуры и часто коренится в усвоенном автором духовном наследии человечества и в его личном опыте, и зависит от того, насколько мыслитель был способен все это обобщить на уровне определенной теории. Опираясь на идеи постмодернизма, мы можем подчеркнуть, что не существует правильных, универсальных интерпретаций. Любой текст связан с традицией науки и культуры, авторской позицией, своеобразием индивидуальной культуры, эти связи дают представление о контексте текста. Фактически каждый текст содержит «библиотеку интерпретаций», но часть из них будут «самостоятельными», соответствующими духу времени по языку и интерпретации. На основе этих «самостоятельных» интерпретаций каждый читатель создает свою интерпретацию, ибо дискурс — это язык, который насыщен социальным и культурным контекстом [19; 24; 34]. В качестве дискурса и выступают различные исторические эпохи, в пределах которых по-разному интерпретируется человек и его природа, так как знания контекстуальны, их природа определяется историей и культурой.

Выделяя аспект интерпретации истории, можно видеть тенденцию — ориентироваться на персонологический (индивидуально-психологический) подход или социокультурный («натуралистический», культурный, контекстный).

Согласно персонологическому подходу, прогресс в истории науки связан с деятельностью выдающихся личностей, подчеркивается особенная важность системы ценностей, стиля мышления, волевых свойств, проекций, которые частично неосознанны и часто обуславливают интерпретацию фактов, принадлежность к определенной научной школе. (Принадлежность к определенной школе в начале научной деятельности может помочь тем, что обеспечивает необходимой информацией, оказывает поддержку, предоставляет определенную защиту от критики, однако со временем такая принадлежность к школе может стать тормозящим развитием обстоятельством. Это может быть страх возразить мнению коллег, чтобы не потерять ощущения безопасности, или догматическое принятие конкретных идей школы.) Анализ биографии ученого позволяет понять, как выбирались исследовательские задачи, как он обосновал свои идеи или боролся за них. Сторонники этого подхода считают, что перемены в истории науки вносят уникальные люди, которые способны менять ход истории. Иногда точкой отсчета служат открытия, сделанные этими уникальными личностями. Таким образом, человек создает время. В наши дни столь радикальная постановка не одобряется [27; 28]. С середины прошлого века все, даже те, кто пишут о выдающихся психологах [36], стараются выяснить условия, создававшие этих замечательных людей.

Мы акцентируем социокультурный подход, который предполагает понимание связи происхождения

и восприятия знания с социальным и культурным контекстом. Это созвучно современным поисковым устремлениям в истории психологии. Если традиционно история психологии являлась повествованием о возникновении, развитии, взаимном влиянии, дальнейшем развитии психологических школ, а также анализом личности создателя и его последователей, то в современных исследованиях по истории психологии авторы ориентируются на *Zeitgeist* — дух времени (термин ввел И.В. Гёте, Э.Г. Боринг предлагал его переформулировать — как своего рода матрицу). Важным поворотным пунктом является 1988 год, когда Л. Фурумото сообщила, что методология истории психологии развивалась как самостоятельная дисциплина и она должна стать обязательной в программах подготовки будущих психологов. Это знаменательное событие в концептуальном понимании истории психологии, так как оно очертило так называемую новую историю психологии, которая старается быть концептуальной, всеохватывающей; история психологии уже не является только исследованием идей и жизнедеятельности великих людей. Л. Фурумото призывала погружаться в мышление определенной эпохи — дух времени (*Zeitgeist*), чтобы увидеть, как проблемы возникали в определенном времени [20]. Правда, так называемый новый подход по сравнению с традиционным критикуется. Подчеркивается, что в обоих подходах много общего и дискутируемого, можно ли писать историю психологии, основываясь лишь на одном историографическом подходе. Например, Т. Лихи [20] подчеркивает, что нельзя отрицать значение развития идей в истории психологии.

Мы учитываем это мнение и все же основное внимание уделяем духу времени, социальным и культурным условиям.

Ибо важно понять, что адекватно «читать идеи» исследователь может только в том случае, если он глубоко ощущает (проникся) культурный и ситуативный контекст, в связи с которым эти идеи родились. Важно подчеркнуть, что, выделяя социокультурный подход, мы не провозглашаем того, что *Zeitgeist* односторонним движением создает мир. Дух времени — это социокультурные условия, которые помогают понять путь развития психологии.

Согласно социокультурному подходу, знания не появляются в вакууме: прогресс истории науки зависит от картины мира, парадигмы культуры; *Zeitgeist* делает людей восприимчивыми к одним идеям и невосприимчивыми к другим. Это влияние происходит опосредованно в результате социальной перцепции: ученые воспринимают социально-культурные условия. Дух времени на развитие науки может повлиять по-разному — создавая условия принятия или отвержения той или другой концепции. Если в науке господствует одна доминирующая теория, она мешает развитию других мнений. Социокультурный подход акцентирует, что время формирует человека и способствует самореализации в определенном контексте. В пользу социокультурного подхода «свидетельствуют» открытия, которые опережают свое время настолько, что не сразу получают признание, или тот факт, что ранее высказанные идеи разрабатываются и становятся популярными в трудах авторов более позднего времени. Например, идеи эволюции до Ч. Дарвина высказал Г. Спенсер, а Э. Гартман о бессознательном писал за 30 лет до З. Фрейда. Еще один аргумент в пользу социокультурного подхода — случаи, когда два мыслителя независимо друг от друга и приблизительно в одно и то же время открывают какой-то феномен, не подозревая о параллельных поисках

(теория эмоций Джеймса–Ланге). Говоря словами И.В. Гёте: «Когда время созрело, яблоки падают одновременно в разных садах». Тем самым можно утверждать, что в контексте этого подхода ученый, по сути, ограничен интеллектуальным климатом своего времени. Открытия невозможны без подготовительных идей и не могут повлиять на развитие научной мысли, если не соответствуют социальному и культурному духу. Например, значение культурной ситуации отражает развивающаяся в XVII веке теория способностей, которую сформулировал К.А. Гельвеций, но корни которой кроются в идеях Просвещения: люди рождаются равными, врожденных способностей нет, но есть различные социальные условия и уровень образования. Или факт, что в конце XIX века сразу во многих странах наблюдалось пробуждение национального самосознания, и стали актуальными вопросы, связанные с так называемой психологией национального характера (В. Вундт, М. Лацарус, А.А. Потебня, П.Д. Юркевич и т.д.). Многие теории, которые появились в конце XIX века, могут быть понятны в контексте принципов эволюции Ч. Дарвина, связаны с естественным отбором и выживанием наиболее приспособленных организмов.

Более подробно мы актуализируем культурную традицию. Культуру нельзя охватить короткой дефиницией, ибо «культура выполняет функции осознания целостности и единства мира. Без единства мировидения была бы немислима ориентация человека в подлунном и запредельных мирах, в космосе, объяснение человеком мироздания. Без такого единства невозможна и коммуникативная деятельность, поскольку любая вещь, явление, любая жизненная коллизия или поступок обретают смысл и оправдание только с включением их в целостность»

[18, p. 44]. Культура реализуется в вещах, общественных институтах, взаимоотношениях людей и т.д., представляя мир совокупностью символических форм, что и нужно уметь оценивать, если мы хотим понять какую-то эпоху и духовные проявления жизни (ibid., p. 41). Это значит, что каждая вещь, предмет, живое существо имеет двойное значение: одно – то, которое мы воспринимаем сразу, просто, поверхностно, второе значение мы постигаем, только погружаясь в мифы, верования, традиции. Только через осознание второй сущности вещей человек способен понять мир, путь строения науки (в том числе психологии). Мы согласны с мнением Э. Кассирера [16] о том, что центральной категорией социально-гуманитарных знаний можно считать символические значения, что ключом к пониманию человеческой природы является символ, так как и культура, и социальная феноменология являются результатами человеческой активности.

Понятие культуры подробно рассматривается в концепции «Трех миров» философа К. Поппера. Эта концепция зарождается в сотрудничестве с нейробиологом Дж. Экклзом (J. Eccles), коренится в появившейся в 1918 году теории языка австрийского философа К. Бюлера и, как утверждает Пападаки, встречается в философии древних греков, особенно в учении стоиков [23, p. 66]. Мир Один – это физический мир, включая наши организмы; мир Два – «мир наших переживаний, которые возникают, когда читаем книгу или пробуем понять теорию» [ibid., p. 85]. «Миром Три я считаю мир духовных продуктов [...] центром этого мира является человеческий язык с его особенностями – язык с предложениями, которые могут быть правдивы или ошибочны [...]. С человеческого языка началась человеческая культура» [ibid., p. 65]. По мнению фи-

лософа, «эти три мира не принадлежат к науке в естественно-научном смысле. Они принадлежат к сфере, которую надо называть как-то иначе, скажем, метафизика [...] разделить науку и метафизику среди прочего значит позволить говорить о метафизике, не выдвигая научные претензии» [ibid., p. 64]. Существенно выделить: «Мир Три имеет огромное значение в человеческой жизни. Я утверждаю, что мы как личности по-настоящему существуем только в своем отношении к миру Три [...] человечество не существует без мира Три: человечество существует во взаимодействии между нами и миром Три» [ibid., p. 86–87]. Мир Три – это мир содержания мыслей, например, мир религий, идеологий. И далее: «думаю, что мир Три активно воздействующий [...] идеологии имеют такое же влияние, какое присуще бактериям или возбудителям болезней» [ibid., p. 88]. Это – ядро культуры.

Три мира К. Поппера можно рассматривать как объективное, субъективное и культурное. Каждый мир иной. Это можно сравнить с идеей Ю. Хабермаса [13] – суждениями об объективной правде, субъективной честности и межличностной справедливости, или взглядами Р. Стивенса [31] о биологическом, символическом и рефлексивном в природе человека. Это также ассоциируемо с первоначально выделенными тремя мирами К. Уилбера [38], которые позже делятся на четыре сектора. Важно осознать, что в каждом из миров существует не только свой язык, но и критерий истины. Идея о трех мирах сравнима с *Eigenwelt*, *Mittwelt* и *Umwelt* и с тем комплексным единством в сознании и поведении человека, что можно считать манифестацией холистической парадигмы человека.

Если принимаем, что эти (три или четыре) мира соотносимы с человеческой природой, то легче принять и мно-

гообразии в психологических поисках (направлениях). Проблема в том, что нет возможности находиться одновременно во всех полях. И более или менее осознанно выбирая один из этих миров, мы попадаем в вечную дискуссию. Каждый из «миров» требует свой предмет исследования, свои методы, каждому из них необходим свой критерий истины и язык. Человеческая природа проявляется во всех – трех / четырех – мирах. Если мы игнорируем какой-то из них, какой-то аспект будет редуцирован. С другой стороны, одновременно использовать или «держать в уме» все многообразие невозможно. Тогда школе, теории, системе обоснованно будет сделан упрек в ненаучности, распространении псевдознаний, и придется признать и метафизику. Можем пойти еще дальше, процитировав тезис К. Поппера: «Познание в объективном смысле – это познание без познающего субъекта» [23, р. 186]. Тогда необходимо задать следующий вопрос: как осуществить взаимодействие, диалог, беседу.

Решение можно искать в рассмотрении кажущихся противоположностей во взаимодополняющих, комплементарных отношениях. Датский физик Н. Бор, ознакомившись с восточной философией, обосновывал принцип дополняемости как один из самых древних способов обобщения в философской мысли человечества: «Великая Истина есть Истина, противоположность которой тоже есть Великая Истина» или «*Contraria sunt complementa*» – «противоположности дополняют друг друга». Это значит, что противоположности комплементарны, как это визуально представлено в символическом изображении мужественности «ян» и женственности «инь» в символике древнекитайского Дао (цит. по: [29]).

На основе социокультурного подхода можно сделать вывод, что именно

в XIX веке, особенно в конце века, дух времени и картина мира оказались продуктивными для рождения интереса к новой науке. Конечно, существенная роль в становлении новой науки принадлежит открытиям физиологии – о мозге, нервной деятельности, функциях органов, так как это повлияло на представления о человеке, его психологических функциях. Уже в XIX веке были представлены теории эволюции и этнологии, популярными были исследования по антропологии, рос интерес к социологии; первыми успехами порадовала генетика, также химия; широко внедрялись эмпирические методы; проводились эксперименты с животными. Одной характеристики умонастроений этого периода будет недостаточно, если наряду с естественно-научным и техническим прогрессом, идеями дарвинизма мы не обратимся также к «философскому фону». Как видно, в период становления психологии духовная среда предлагала широкий выбор. Но самое существенное влияние на становление психологии оказали две основные (хотя и не единственные) тенденции. Первая исходит из позитивизма, который считает опыт единственным источником знаний, отрицает метафизику и теизм, и признает точные измерения, обычно эксперименты. Вторая тенденция – философия жизни (А. Бергсон, В. Дильтей, Г. Зиммель). Философия жизни выражает отказ от перенесения природных закономерностей на людей на том основании, что здесь главенствуют телеологические зависимости, не связанные со строгой необходимостью и причинностью. Например, В. Дильтей [10] считал, что ориентироваться следует на жизнь нашей души, на опыт, включающий осознание всего многообразия человеческих отношений. Он обосновал существование самостоятельной науки духа в противовес естествознанию: природу мы объясняем,

человека – понимаем. В. Дильтей считал, что человека – желающее, чувствующее, представляющее существо – необходимо познавать комплексно.

Таким образом, психология должна рассматривать взаимосвязи опыта, самовыражения, понимания, подчеркивая, что душевная жизнь дана человеку в качестве переживания. Эти идеи ярко просматриваются в Баденской школе неокантианства: В. Виндельбанд разделяет естественные науки (номотетические – дающий закон) и исторические науки (идиографические – описывающие индивидуальное). В свою очередь, представитель Марбургской школы Э. Кассирер [16] призывает обратиться к символу как универсальному выражению культурной, духовно-творческой деятельности. Он считает, что отношения, которые человек устанавливает с миром, являются символическими. Символическая реальность образует как бы третий мир между бытием и мышлением. Символический мир выражен в языке, в мифах.

Из философии жизни вырастает так называемая понимающая психология, которую характеризует предположение, что реальность достижима в рефлексии, во внутреннем наблюдении, в процессе понимания самого себя. В переживании объединяются и чувства, и разум, и интуитивное видение мира, т.е. все элементы, характеризующие человека как существо, включенное в отношения жизни. Мы понимаем себя, так как внутренне, органично нам присуща сфера духа. Духовный мир, переживание как напрямую данная единица отличаются от предметной реальности в первую очередь тем, что мы сами являемся элементами этого духовного мира (жизни), которые знают, понимают конкретные отношения, ведь мы сами их создаем. Это также позволяет нам понимать друг друга, открывает воз-

можности человеческой коммуникации. Жизнь – всегда жизнь с другими; душевная жизнь – соответствие. Поэтому познание полнее всего определяется пониманием внутреннего соответствия в нас самих. В этой позиции ярко проявляется и тенденция, наблюдавшаяся на рубеже XIX и XX веков (невсеохватывающая): отказ от перенесения природных закономерностей на людей при выдвижении на передний план телеологических связей. Что в наши дни звучит как обращение против сциентизма, который «может вызвать вредные последствия, социальные проблемы и иногда также негуманизм» [21]. Напомним, что сциентизм в широком понимании – это попытки экстраполировать роль естественно-научных методов, на социальные и гуманитарные науки. Особо можно говорить о методологическом (натуралистическом) сциентизме, когда методы точных наук применяются в гуманитарных науках, и моральном сциентизме, который утверждает, что люди, группы, институции, общество подчинены объективизирующим, поясняющим и экспериментальным наукам точно так же, как любые физические и химические системы и т.д.

Таким образом, на рубеже XIX и XX столетий наметились попытки провести границу между природой и социальной (культурной) реальностью. Общество существует в опыте индивида: в переживании, в духовной жизни. Общество, человек вовсе не объективная, а субъективная реальность, которая открывается при интуитивном схватывании (понимании) созданных и поддерживаемых человеком культурно-исторически обусловленных ценностей, смыслов, понятий, отношений, взаимосвязей и т.д. Таким образом, познать мир можно с помощью интуиции, вчувствования в сущность вещей, а не с помощью разума. (Хотя надо

отметить, что в объяснении интуитивизма нет единогласия.)

Направление, начатое философией жизни, в XX веке продолжает экзистенциальная философия (К. Ясперс) и феноменология (Э. Гуссерль). Первая обращается к видению конкретной жизни, вторая — к внутренним процессам сознания. Например, феноменология Э. Гуссерля представляет интеллектуальную, или логическую, интуицию. Это особый вид рационального познания, стремящийся к открытию сущности вещей и придающий большое значение рациональным методам. Э. Гуссерль уверен, что с помощью мышления можно воспринять суть вещей «Das reine Was» [15].

Как видим, эта тенденция акцентирует интерес к субъективности, помогающую понять себя и других. Внешний мир, разумеется, существует, но лишь настолько, насколько он, наполненный смыслами и значениями, представлен в нашем сознании. В наши дни это звучит как призыв отбросить прошлые представления о том, что реально, выдвинуть на передний план интенциональность, а не картезианскую дуальную реальность объекта — субъекта, ведь противоречия объединяются посредством смысла и в таком виде появляются в сознании. «Назад к вещам», — сказал Э. Гуссерль [15], приглашая к поискам эссенции, сути и постулируя важность Жизненного мира (*Lebenswelt*).

И все же ведущей тенденцией в психологии вплоть до 80-х годов XX века остается первая — ориентация на позитивизм. Эта тенденция проявилась во многих исследованиях. Обратим внимание на два из них. Мерфи предложил список диад, которые характеризуют область психологических исследований 10–20-х годов XX века. Он использовал четыре контрастные пары: «структура — функция», «целое — часть», «качественное —

количественное», «экспериментальное — генетическое». Он показал, что в 10-е годы доминировала первая часть данной пары, но уже в 20-е годы — вторая (цит. по: [36]). Брунер и Олпорт анализировали статьи, написанные в американских журналах по психологии в течение 50 лет (исследования проводились в 40 году). Они также свой материал анализировали в диадах: «рациональное — эмпирическое», «телеологическое — механистическое», «качественное — количественное». Они сделали вывод, что в психологии все больше акцентируется вторая часть пары (цит. по: [36]).

До конца прошлого века психология все больше отдалялась от человеческого существования и все больше внимания отдавала экспериментам, в наши дни — компьютеризованным виртуальным моделям, в рамках которых мало исследуется реальное поведение. С этой точки зрения научными признаются когнитивная психология, бихевиористская психология и экспериментальная социальная психология. В свою очередь за ненаучность, прежде всего, критикуются именно идеи, выросшие из психоанализа и гуманистической психологии, хотя эти школы вполне можно считать идейными прорывами, оказавшими глубокое влияние на развитие культуры и человечества в XX веке. Например, психоанализ потряс умы людей и вырвался за узкие рамки лечебного метода: философы признают его философской школой, историки и критики различных искусств ищут в нем толкование художественного вдохновения авторов. Идеи психоанализа продолжают жить и развиваться, издаются научные журналы, проводятся конференции (правда, критерии научности в этот раз определяют по-другому).

Как мы видим, уже на этапе становления психологии как науки ярко выделяются тенденция к объективному

познанию человека-объекта и тенденция к пониманию его души. В каждом отдельном случае важную роль сыграла личность исследователя, а также культурный, социальный и идеологический контексты.

Традиционно психология ориентирована на позитивизм. Напомним: основатель позитивизма О. Конт считал, что наука должна ограничиваться описанием внешних черт объекта и что проблемы, утверждения, понятия, которые невозможно проверить эмпирически, бессмысленны и фальшивы. Неопозитивисты занимаются формированием научного языка и его логическим анализом. Логический анализ научного языка подразумевал редуцирование теоретических знаний до эмпирических и эмпирическую проверку (верификацию). Неопозитивисты старались изъять из научного языка «псевдонаучные» утверждения и термины, не поддававшиеся верификации, критерием истинности была верифицируемость [37]. Одно из ответвлений позитивизма – логический позитивизм – выражало крайне радикальные устои: любые открытия, которые невозможно проверить эмпирически (т.е. в научном наблюдении или эксперименте), считаются бессмысленными. В психологии его представляет «отец» бихевиоризма Дж. Уотсон, который постулировал, что «настоящая наука ничего не может сказать о душе и сознании, она может только судить о внешних реакциях на измеренную стимуляцию» (цит. по: [26]).

На взгляды неопозитивистов в большой мере повлияли принципы Л. Витгенштейна, например, следующий: «Все, что только можно мыслить, необходимо уметь мыслить ясно. Все, что может быть высказано, должно быть высказано ясно» [35]. В свою очередь, последователи постпозитивизма, начавшего развиваться в конце 50-х годов XX

века, отказались от противопоставления фактов и теории, считая, что эмпирические знания не важнее теоретических, так как для приобретения любого эмпирического знания необходим теоретический «багаж». Постпозитивисты отказались от кумулятивного восприятия развития науки, они отрицают возможность линейного развития научного познания [37]. И здесь чувствуется влияние Л. Витгенштейна: размышляя о будущем человечества, мы представляем, как это будет там, где оно будет находиться, если движение происходит так, как сейчас; мы не понимаем того, что оно движется не прямо, а по кривой, и постоянно меняет направления [39]. Аналогичным образом в другой области явно выражена идея о противопоставлении фрактальной геометрии (множества Б. Мандельброта) Евклидовой геометрии, когда вместо прямых, треугольников, кубов, пирамид объектом исследования являются кривые линии, их разветвление в самые фантастические фигуры, какие только можно встретить в природе. Фрактальная геометрия, появившаяся в тесной связи с теорией хаоса, в состоянии охарактеризовать самые сложные фигуры, пространственные образования, а также произведения живой природы начиная с листа папоротника до человеческой системы кровообращения, дыхательной, нервной системы. Ведь динамика фракталов может описать пограничную зону между хаосом и самоорганизующимися, регулярными структурами. Хаос и фракталы как объекты исследования связаны с динамикой нелинейных систем, в таких системах небольшой импульс может вызвать гигантские изменения.

В 70-х годах XX века, особенно в статье «Об облаках и часах», К. Поппер (см. [23]) разделяет физический детерминизм и индетерминизм, описывая его через противопоставление облаков

и часов. Часы – детерминированная система, а облака индетерминированные, т.е. более или менее упорядоченные и лишь относительно прогнозируемые системы. Такой индетерминизм, с точки зрения К. Поппера, характеризует и человека. Возникает вопрос: если мы это принимаем, допустимы ли тогда попытки одностороннего исследования. Хотя классически наука стремится к объективности, в наши дни доказано, что сами факты, составляющие теорию, субъективны [1–3; 8; 25; 32].

Открытия в области физики уже давно изгнали исследователя из стабильного, логичного, соответствующего требованиям здравого разума мира в совершенно пугающую среду, где вместо единственно верной истины можно найти много, где вместо детерминизма правит случай, вместо определенности – неопределенность, вместо стабильных, «ощутимых» объектов – динамика, поток, неуловимость, где граница между субъективным и объективным миром становится совершенно неясной, в соответствии со словами австрийского физика Ф. Капры: «Мое сознательное решение о том, как наблюдать электрон, частично определит свойства этого электрона. Если я задам ему вопрос частицы, он мне даст ответ частицы; если я задам ему вопрос волны, он мне даст ответ волны. У электрона нет объективных свойств, которые были бы независимыми от моего ума» [60]. Так, именно исследования мира элементарных частиц доказали также, что у электрона, вопреки всем законам «здроваго ума», нет определенного местонахождения – его локализацию можно выразить лишь как вероятность, другими словами, нахождение электрона в пространстве характеризует не точка, а «рассеянное облако».

И уж действительно мистическим кажется, например, полученное в ре-

зультате исследования парадокса Эйнштейна–Розена–Подольского экспериментальное доказательство сверхъестественного, превышающего скорость света взаимодействия элементарных частиц на расстоянии (цит. по: [29]). Ф. Капра, рассуждая о смене образа мышления и мироощущения, пишет: «Исследование атомного и субатомного мира привело их [естествоиспытателей] в странную и неожиданную реальность. В тяжелой борьбе, пытаясь ошутить эту реальность, ученые все острее сознавали, что их основные концепции, язык и весь их образ мышления не годятся для описания явлений субатомного мира. Это не было лишь интеллектуальными проблемами – это переросло в сильный эмоциональный и даже экзистенциальный кризис. [...] Пережитый в 20-х годах квантовыми физиками интеллектуальный кризис в наши дни отражается в похожем, но намного более широком культурном кризисе. Смена парадигм сейчас наблюдается не только в науке, но и в более широком обществе» [7]. Понятно, что меняется и система научных доказательств, сформированная в рамках естествознания. В наши дни обсуждается вопрос о роли исследователя в исследовании и его влиянии на результаты исследования, в том числе и в психологии [12; 14; 19; 24; 33 и др.].

Как видим, в 60–70 годы XX века в сознании мировой общественности происходит перелом. До 60-х годов послевоенная западная цивилизация на мир смотрела весьма оптимистически. Ужасы Второй мировой войны позабылись, материальное благосостояние росло, развитие науки и технологий укрепило чувство безопасности. Однако во второй половине XX века возник очередной кризис, который проявился и в человеческих отношениях, и в отношениях со средой. В наши дни головокружительные успехи западной науки

и технологий стимулировали развитие этноцентрического, материалистического, прямолинейного видения мира, которое подавило способность к прежнему объемному ощущению мира у западного человека. Современные информационные технологии создали то, что американский философ, футуролог А. Тоффлер назвал третьей волной цивилизации, которая наряду с достижениями несет и негативные явления. Последние приводят к культурной и научной революциям, которые проявляются в духе времени постмодернизма и в поисках холистического подхода.

Тем самым можно говорить о периоде постмодернистской психологии, в котором началась дискуссия о последствиях, созданных доминантой эмпиризма и позитивизма, на этом этапе заявляют о себе холистические парадигмы, которые с момента открытий по квантовой физике в начале века все определеннее демонстрируют свое превосходство над механистическим видением мира. Смена парадигм – это фундаментальная смена мироощущения и мировидения (возможно, потому дискуссии представителей различных парадигм бывают долгими и непродуктивными, что они в одни и те же термины вкладывают разный смысл).

Холистическая парадигма подчеркивает комплементарность (дополнительность) различных мировоззрений, предлагая сотрудничество вместо конфликта. Холизм пронизывает мышление, например, в процессе интердисциплинаризации наук (кибернетика, теория информации, теория систем и т.д.), декларируя идею, что современная наука требует комплексного видения мира, которым охватываются взаимосвязанные, перекрывающиеся, пронизывающиеся дименсии, например, социальная среда, культурно-историческая среда, конструируемая среда, экосистема и др. Эти

идеи своеобразно переключаются с идеями культурного и социального конструкционизма в психологии. Если в XIX веке доминировала дифференциация науки, то в XX веке развиваются интегральные, объединяющие, синкретические науки, которые охватывают сферы интересов нескольких наук (наука о поведении, когнитивная наука). Уже физик М. Планк писал, что наука – это единое целое, разделение на отдельные отрасли определяет не природа вещей, а ограниченность познавательных возможностей человека. Есть неразрывная цепь связей от физики и химии через биологию и антропологию до социальных наук (цит. по: [29]).

«Незаконченность» – это в холистической парадигме и в перспективе постмодернизма то объединяющее ключевое слово, которое раскрывает понимание необходимости открытости, нестабильности, динамичности систем мира в качестве условия их развития и адаптации. На наш взгляд, для того чтобы наука была настоящим путем познания, важен принцип открытости. Уже теорема гениального математика К. Геделя, опубликованная в 1931 году, показывает, что в любой системе с конечным числом постулатов всегда будет бесконечно много утверждений, которые невозможно доказать в рамках этой системы, в том числе и истинных утверждений (любая дедуктивная система недостаточна). Если это понять, то выход из тупика можно искать в «интерпретации множественности миров» Х. Эверета или в феноменологической интерпретации. Правда, такой подход не дает ощущения стабильности и призывает к проявлению интуитивного озарения. Тем самым метафору специалистов по информационным технологиям о безопасности информационных систем как процесса, а не состояния можем отнести и к науке. Ориентацию на открытость и одновременно

на интеграцию, на наш взгляд, хорошо иллюстрируют синергетика и кибернетика. Синергетика в последние десятилетия формировалась в качестве интегрального подхода в науке и рассматривает кооперативное поведение любого ансамбля частиц – от поведения атома и молекулы до социальных процессов. Здесь главная роль отводится теории информации, для которой бит – столь же фундаментальная категория, как вещество или энергия.

В связи с рассмотренным изменением ощущения и видения мира в наши дни решение ищут и психологи, предлагая разные пути интеграции школ, направлений, систем и внутри систем. На исключительное положение претендует когнитивная психология, но все равно она не находит той волшебной палочки, с помощью которой можно было бы создать тот «настоящий метод психологии», который решил бы теоретические (и классические) противоречия.

Как видим, в ходе общественного развития сформировались регулятивные образования для видения мира, понимания и деятельности (нормы существования). Будучи постулатами сознания и деятельности, они становятся чем-то наподобие инструментов для понимания и освоения мира в пределах культуры. Устойчивость таких средств и механизмов является необходимым условием возможности взаимного общения и понимания людей. Таким образом, культура составляет такую универсальную целостность – основу интеграции, основу для накоплений психологии как науки. Пусть каждый деятель науки (или практики) это осуществил бы самостоятельно и внутренне, но толерантно к многообразию (многоголосию). В заключение мы можем сказать, что такое понимание является важным условием для развития

чувства внутренней свободы человека и истинной демократии.

Литература

1. Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.
2. Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 1995.
3. Фейерабенд П. Избранные труды по философии и методологии науки. М., 1986.
4. Barzun J. & Graff H. The modern researcher. N.Y., 1992.
5. Brennan J.F. History and systems in psychology. Englewood Cliffs, NJ, 1991.
6. Capra F. The Turning Point: Science, Society and The Rising Culture. London, 1983.
7. Capra F. The Web of Life: A New Synthesis of Mind and Matter. London, 1997.
8. Carmic P.M. et. al. (Eds.) Qualitative Research in Psychology: Expanding Perspectives in Methodology and Design. APA, 2003.
9. Colman A.M. Dictionary of psychology. Oxford, 2001.
10. Dilthey W. Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. Frankfurt am Main, 1970.
11. Furumoto L. The new history of psychology // I. Cohen (Ed.). The G. Stanley Hall Lecture Series (Vol. 9). Washington, D.C., 1989.
12. Gergen K.J. Toward a postmodern psychology // Kvale S. (Ed.) Psychology and postmodernism. London, 1997.
13. Habermas J. Kommunikatives Handeln und detranszendentalisierte Vernunft. Stuttgart, 2001.
14. Hollway W. Subjectivity and method in social psychology: gender, meaning, and science. London, 1989.
15. Husserls E. Fenomenoloģija. Rīga, 2001.
16. Kasērers E. Apcerējums par cilvēku. Rīga, 1997.
17. Koch S. The nature and limits of psychological knowledge // American Psychologist. 1981. N 36.
18. Kūle M., Kūlis R. Filosofija. Rīga, 1996.
19. Kvale S. (Ed.) Psychology and postmodernism. London, 1997.
20. Leahey T.H. A history of modern psychology. Englewood Cliffs, 1994.
21. Lekns H. Handlexikon zur Wissenschaftstheorie. München, 1989.

22. *Mārtinsone K., Lasmane A.* Psiholoģijas vēsture. Rīga, 2006.
23. *Popers K.* Nākotne ir atvērta. Rīga, 2005.
24. *Potter J., Wetherell M.* Discourse analysis. // J. Smith et. al. (Eds.) Rethinking Methods in Psychology, London; Beverly Hills, CA, 1995.
25. *Romanyshyn R.D.* The Attitude of Science and the Crisis of Psychology // A. Giorgi (Eds.) Duquesne Studies in Phenomenological Psychology. Vol. 2. Pittsburgh, 1975.
26. *Schultz D., Schultz S.* A history of modern psychology. Fort Worth, WV, 1996.
27. *Simonton D.* Scientific genius: a psychology of science. Cambridge, 1988.
28. *Simonton D.* Great psychologists and their times: Scientific insights into psychology's history. APA, 2002.
29. *Siliņš E.I.* Lielo patiesību meklējumi. Rīga, 1999.
30. *Smith N.W.* Current systems in psychology. History, theory, research and applications. N.Y., 2001.
31. *Stevens R.* Trimodal theory as a model for interrelating perspectives in psychology // Sapsford R. (Eds.) Theory and social psychology. London, 1998.
32. *Suppe F.* (Ed.) The Structure of Scientific Theories. London, 1974.
33. *Tolman C.W.* The Theoretical Imperative in Psychology // W. Maiers et al. (Ed.) Challenges to Theoretical Psychology. North York, Canada, 1999.
34. *Van Dijk T.A.* (Ed.) Discourse as social interaction: Discourse studies: a multidisciplinary introduction. Vol. 2. London, 1997.
35. *Vitgenšteins L.* Loģiski filosofiskaistraktāts //Kentaurs XXI. N 6. 1994.
36. *Watson R., Evans R.* The great psychologists: a history of psychological thought. N.Y., 1991.
37. *Walace W.A.* The modeling of nature: philosophy of science and philosophy of nature in synthesis. Washington, 1996.
38. *Wilber K.* Integral psychology. Consciousness, spirit, psychology, therapy. Boston, 2000.
39. *Wittgenstein L.* Vermischte Bemerkungen. Frankfurt am Main, 1977.